

Живет в Курске (Россия).

БЕГЛЕЦ

Офис, обломки, расколотые мониторы,
Размытый стремительный силуэт.
Он сидел здесь. Работал. Вёл какие-то переговоры.
И вот его нет.
У этих тихонь вечно проблемы со зрением,
В душе зреет что-то опасное, как ядовитый газ.
Когда такой человек становится бешеным зверем,
Все говорят: мы не думали, что он ненавидит нас.
Он перегрыз канаты и цепи, перекусил браслеты,
Заговорил все пули и пистолеты,
Разгромил свою клетку, выбежал в мир наудачу,

Не жалею – он бормотал – не зову, не плачу.
Луноходы стреляли, менты свистели,
Он послал всех нахрен, исчез - и баста!
Что ему Гекуба, в самом-то деле -
Он умел превращаться в сову и в барса,
Путал следы не хуже матёрого лиса,
Объявлялся то в Мексике, то в Сингапуре,
Был своим в борделях Зурбагана и Лисса ,
Получал всё новые шрамы на шкуре.
У него струна от банджо вместо удавки,
В склянке на поясе – обезьянья похоть,
А глаза ненасытны, как две пиявки:
Вцепятся, высосут - не успеешь охнуть.
Глупая, ты его ждёшь, думаешь, он вернётся,
Только этим мечтам никогда не сбыться:
Он вчера был с тобой, а сегодня летит на Солнце...
Видишь – горят мосты от Невы до Стикса!

...за чертой, где уже не действуют никакие приметы,
он плывёт вниз лицом по накатанным водам Леты -
растерял по дороге все свои амулеты,
арбалеты и стрелы, денежные котлеты,
упованья на то, что вывезет, мол, кривая...
а вода его пощипывает, раздевает,
постепенно смывает одежду, волосы, кожу,
он плывёт, на радужное пятно похожий,
растворяется, тает, освобождает место...

только таким и бывает настоящее бегство.

ПЕРЕХОД

Переход происходит быстро: открывается грот в стене,
вылетают из мрака искры, тает комната, словно снег,
выступает из мрака Кора, расцветают гранат и тис,
поджигая покой, как порох, козлоногий идёт флейтист,
ртуть рассыпана, час исчислен, меч срывается с волоска,
и последние гаснут мысли... полночь высится, цель близка,
воспаряет душа - жар-птица, и не знает теперь преград,
в небе - зарево, в сердце - спица,
на полу - больничный халат...

ВАВИЛОНСКАЯ ДОРОГА

вода подступает к порогу и прах возвращается в прах...
иду вавилонской дорогой в забрызганных грязью штанах,
бреду казахстанским кочевьем, шагаю чумацким путём,
а как отправлялся и чей я, мне лучше не помнить о том,
не знать перевалочных станций, чужие стереть города,
избыть в бесприютности странствий тепло родового гнезда,
птенцов-однокровников лица... фамильная память слепа:
на дерево влезла куница, осталась одна скорлупа.
иду мимо кладбищ и тюрем в обносках с чужого плеча.
прости меня, мама, я умер, в душонке моей – саранча,
на лбу отпечаток копыта, на заднице выколот драфт,
карманы полны антрацита из черных заброшенных шахт.
отец, отломи мне горбушку, и с неба просыплется соль...
не снилась библейским кликушам такая гремучая боль.
размыты рекою пороги, слова рассыпаются в прах,
и нет вавилонской дороги... лишь пепел в моих волосах.

[Страница автора в Сети](#)

[Страница автора в Клубе Лауреатов](#)